

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»

Направление подготовки: 40.03.01 Юриспруденция

ОТЧЕТ О ПРОХОЖДЕНИИ ПРАКТИКИ
Научно-исследовательская работа

(фамилия, имя, отчество студента)

Место прохождения практики:
«ООО «СИЛА ЗАКОНА»»

(полное наименование организации)

Руководители практики:

от Университета:

(фамилия, имя, отчество)

(ученая степень, ученое звание, должность)

Москва, 2020г.

Содержание

Введение	3
Объективные признаки организованной группы как формы соучастия	5
Субъективные признаки организованной группы как формы соучастия	16
Квалификация действий участников организованной группы	25
Заключение	34
Список литературы	36

otvety-synergy.ru
info@otvety-synergy.ru

Введение

Тема исследования: «Актуальные вопросы соучастия по уголовному законодательству».

Актуальность темы исследования. Одной из тенденций современного криминального мира, пришедшей из недавнего прошлого, является повышение степени структуризации преступности, увеличение ее самоорганизованности. На сегодняшний день, к сожалению, следует констатировать тот факт, что Россия занимает одни из лидирующих позиций в мире по такому показателю преступности, как ее организованность. Количество тяжких и особо тяжких преступлений против личности, общества, государства, их экономических интересов, совершаемых организованной группой неуклонно возрастает. При этом высок уровень латентности совершаемых преступлений в составе организованных групп, прежде всего, ввиду их особой подготовки, наличия связей в эшелонах государственно-властных органов и некоторым другим особенностям организованной преступности. Также отметим, что участники организованных групп приспосабливаются к современным реалиям общества, постепенно осваивая новые области для совершения преступлений, в частности, так называемое киберпространство. Можно сказать, что преступления современных организованных групп приобрели более «утонченный» характер, однако от этого стали еще опаснее. Признавая общественную опасность организованной преступности, государство предпринимает множество мер по противодействию данному виду преступлений. На законодательном уровне ужесточается ответственность за совершение преступлений в составе организованных групп, в структуре правоохранительных органов создаются специальные подразделения, специализирующиеся исключительно на противодействии организованным формам преступности. Однако, к сожалению, принимаемых мер зачастую оказывается недостаточно. В данном случае необходимо говорить, прежде

всего, о недостаточной разработке уголовно-правовых признаков организованной группы. В результате у субъектов, осуществляющих противодействие организованной преступности, попросту не оказывается правового инструментария, необходимого для качественного и эффективного противодействия организованной преступности.

Цель научно-исследовательской работы заключается в комплексном исследовании вопросов, связанных с уголовно-правовой характеристикой организованной группы, как одной из форм соучастия в преступлении, а также анализу законодательства, закрепляющего ответственность за данную форму соучастия в преступлении.

Указанная цель может быть достигнута посредством решения следующих задач:

1. Выявление и изучение объективных и субъективных признаков организованной группы как формы соучастия в преступлении;
2. Сравнительно-правовой анализ организованной группы и иных форм соучастия в преступлении;
3. Изучение особенностей квалификации действий участников организованной группы;
4. Анализ практики назначения наказаний за преступления, совершенные организованной группой.

Объектом научно-исследовательской работы выступает проблема реализации уголовной ответственности за такую форму соучастия в преступлениях, как организованная группа.

Предметом научно-исследовательской работы выступают уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за такую форму соучастия в преступлениях, как организованная группа.

Объективные признаки организованной группы как формы соучастия

Рассматривая историческую подоплеку формирования уголовноправового института организованной группы и соответствующего доктринального толкования в данной сфере, необходимо отметить один, на наш взгляд, существенный диссонанс. Притом, что соучастие, как форма совершения преступления (если учитывать именно групповой характер) появилось в уголовном законодательстве на довольно ранних периодах развития государства, организованная группа, как форма соучастия в преступлении сформировалась и была оформлена в виде соответствующего нормативного закрепления в законодательных актах сравнительно недавно.

В частности, впервые данный термин был использован законодателем во времена Великой Отечественной Войны. В указе Президиума Верховного совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 года в статьях 4, 6 в качестве квалифицирующего признака хищения предусматривалось совершение хищения организованной группой (шайкой). Более того, несмотря на сам факт закрепления, содержание понятия организованной группы, как формы соучастия в преступлении оставляло желать лучшего. Исследуя приведенную норму, необходимо отметить ряд ее недостатков. Прежде всего, это отсутствие четких признаков определения организованной группы, причем, как субъективных, так и объективных. Также нельзя было сказать об установлении консолидированной позиции правоприменителя относительно квалификации деяний, совершенных организованной группой. Не были ясны пределы ответственности каждого из членов организованной группы. Подобная неопределенность породила множество проблем при квалификации действий соучастников преступления, которые совершали противоправные деяния в составе организованной группы. Так, например, в одних случаях суды признавали наличие такой группы при всяком соучастии с предварительным сговором, в других – только при совершении хищения

группой, имеющей стойкие организационные формы. Кроме того, в ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» в качестве обстоятельства, отягчающего преступление, указывалось на совершение кражи воровской шайкой. Сочетание этих терминов не оставляло сомнения в том, что шайка – это преступное сообщество, а организованная группа – это одна из разновидностей шайки. Противоречивые позиции, подобные тем, что были в судебной практике, высказывались и в теории уголовного права. Верховный Суд СССР неоднократно указывал, что обе позиции являются крайними, однако сам четкого определения организованной группы не дал.

Приведенная ситуация казалась еще более странной и противоречивой, если учесть, что в вопросе закрепления соучастия, как уголовно-правового института, законодатель к тому времени достаточно сильно преуспел.

Первые предпосылки к выделению указанного института появились еще в период формирования древнерусской государственности, ознаменовавшейся (с точки зрения нормотворчества) принятием Русской Правды. В соответствии с данным документом были заложены первоначальные и фундаментальные основы дифференциации уголовной ответственности. И, во главу угла стало именно соучастие в преступлении, совершение деяния двумя и более лиц. Практически по каждому составу преступления в случае его совершения в группе, предусматривалось ужесточение наказания.

На соучастие в преступлении, как квалифицированный признак обращал внимание и законодатель периода формирования Московского государства. В двух основополагающих нормативных актах того этапа, а именно Судебниках 1497 и 1550 годов, отдельно оговаривалось соучастие в совершении преступлений. В частности, за «учинение разбоя с сотоварищами предусматривался более строгий вид наказания, нежели одиночная реализация преступных замыслов».

При Петре I, в рамках систематизации российского законодательства, был реализован проект кодификации уголовного закона, в результате чего был принят Артикул Воинский. В нем также определялись правовые основы соучастия в преступлении и реализации уголовной ответственности за совершение деяний в составе группы лиц.

В 19 веке вопросам соучастия в преступлении были посвящены отдельные нормы, и даже структурные элементы таких фундаментально значимых нормативных правовых актов, как Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Уголовное уложение.

В советский период каждый из принимавшихся кодифицированных нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы уголовной ответственности, включал в себя отдельно установленные и закрепленные соответствующим образом нормативные положения, закреплявшие вопросы регламентации уголовной ответственности за совершение преступлений в соучастии.

Таким образом, необходимо отметить, что в истории развития уголовного права России следует констатировать пробел правового регулирования такой формы соучастия в преступлении, как совершение преступления в составе организованной преступной группы. При существенном внимании законодателя к вопросу соучастия преступления в целом, проявившим себя уже на ранних стадиях формирования древнерусского государства, вопросы такой формы соучастия, как организованная преступная группа не освещались должным образом на достаточно длительном периоде развития отечественной уголовно-правовой доктрины и законодательства.

Тем не менее, несмотря на всю противоречивость и некоторую неверность изначальных законодательных формулировок, организованная группа закрепились в качестве формы соучастия в преступлении и стала включаться в состав всех нормативно-правовых актов уголовно-правового

характера именно в качестве таковой (формы соучастия в преступлении).

На сегодняшний день организованная группа как форма соучастия в преступлении закреплена в части 3 статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. В соответствии с нормой указанной статьи преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Рассмотрим объективные признаки указанной формы соучастия в преступлении.

Первоначальным признаком объективного характера организованной группы следует называть множественность участников преступного посягательства. Следует отметить, что на данный признак указывали еще ученые-криминалисты 19 века. В частности, А. Ф. Кистяковский отмечал: «Когда преступление совершается двумя или несколькими субъектами, тогда происходит форма преступности, называемая стечением преступников или участием в преступлении». Множественность участников организованной преступной группы может быть охарактеризована посредством двух составляющих – количественной и качественной. В первом случае мы говорим о минимальной численности участников преступного посягательства, как об обязательном критерии определения формы соучастия в преступлении в соответствии с частью 3 статьи 35 УК РФ, во втором – о соответствии всех участников организованной группы требованиям законодательства, предъявляемым к субъектам преступления.

Говоря о первой, количественной составляющей множественности участников организованной преступной группы, Безбородов Д.А. отмечает, что «конечно же, определение границ численности группы имеет немаловажное значение при характеристике совместного совершения преступления». Действительно, от того, в каком количественном состоянии находится организованная преступная группа во многом зависит характер и особенности совершения преступления, формы связи между ее участниками,

механизм преступного воздействия организованной группы на охраняемые законом общественные отношения и множество иных аспектов как объективного, так и субъективного характера. Законодателем не указано конкретное количество лиц, при наличии которых можно говорить об организованной преступной группе.

На наш взгляд, в данном случае необходимо исходить от обратного. Ни одна из форм соучастия не может иметь место быть, когда преступник в одиночестве. При появлении же еще хотя бы одного лица, тем или иным образом способствующего совершению преступления дает нам право говорить о соучастии в преступлении. Также отметим, что множество исследований в области преступной психологии указывает на минимальную количественную границу соучастия в преступлении, которая определяется двумя людьми. При этом существуют мнения, согласно которым необходимо провести четкие границы в количественной составляющей различных форм соучастия в преступлении. На наш взгляд, подобные экспертные оценки не совсем верны. Любая форма соучастия в преступлении не может быть охарактеризована каким-либо одним признаком, будь то количество соучастников или характер их взаимодействия и так далее. Для определения конкретной формы соучастия в преступлении в качестве таковой необходима совокупность всех признаков, как объективных, так и субъективных, как количественных, так и качественных. Более того, рассматривая уголовные дела о преступлениях, совершенных в соучастии, суды нередко признают более тяжкими формами соучастия преступные объединения, состоящие из меньшего количества преступников, нежели те, которые на момент совершения преступления состояли из большего количества соучастников.

Так, например, Усть-Янским районным судом Республики Саха (Якутии) был вынесен обвинительный приговор подсудимым Болтыровой Е.В., Яковлевой А.А. и Черемыкиной Е.А. Суд признал виновными подсудимых в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи

159 УК РФ. При этом действия подсудимых суд квалифицировал как совершенные организованной преступной группой. В то же время, Изобильненский суд Ставропольского края признал подсудимых Пипия И.М., Ежонкова С.И., Выходцева А.Н., Хачана Э.М. в совершении преступления предусмотренного частью 2 статьи 158.9. При этом действия подсудимых суд квалифицировал, как совершенные группой лиц по предварительному сговору. Таким образом, мы видим, что суды в каждом конкретном случае исходят из конкретных обстоятельств совершения преступления, множества факторов, характера и особенностей сложившейся ситуации, а также множества иных объективных и субъективных признаков. Поэтому количественная составляющая соучастия в преступлении в данном случае – далеко не панацея.

Говоря о качественной составляющей, необходимо отметить, что объединение лиц в группу предполагает достижение этими лицами возраста уголовной ответственности, так как целью их объединения является совершение одного или нескольких преступлений. В этом случае объединение в группу означает не только привлечение в действия субъектов элементов осведомленности, организованности, но и обеспечивает знание каждым из них того обстоятельства, что лица объединились в группу для совершения именно преступления (преступлений). Очевидно, что такое объединение возможно только с лицами, понимающими цель объединения и осознающими общественно опасный характер действий, направленных на ее достижение. Более того, участники организованной группы должны осознавать не только общественно опасный характер совершаемого деяния, но и факт организованности группы. Это могут быть только вменяемые физические лица, достигшие определенного возраста.

Вторым объективным признаком организованной преступной группы выступает ее устойчивость. Дискуссии по поводу определения понятия устойчивости как объективного признака организованной преступной

группы, имеются и в научных кругах. На сегодняшний день в данной сфере сложилось несколько позиций. Так ряд исследователей предлагает в качестве критерия определения устойчивости количество запланированных преступлений. На наш взгляд, подобная оценка не совсем верна, так как количество запланированных преступлений не может свидетельствовать об устойчивости группы, по крайней мере, если речь идет только об указанном квалифицирующем признаке. Так, например гражданин Черных О.Н. вступив в сговор с неустановленными людьми, уголовное дело в отношении которых было выделено в отдельное производство, совершил более 15 преступлений, предусмотренных частью 4 статьи 159 УК РФ. При этом Центральным районным судом города Воронежа, действия подсудимого и неустановленных лиц были квалифицированы как совершенные группой лиц по предварительному сговору. Преступная деятельность указанных лиц была растянута во времени на достаточно длительный период и, однако, суд не пришел к выводу о совершении данных преступлений организованной преступной группой.

И, тем не менее, количество преступлений, которые были совершены или планируются к совершению, нельзя не учитывать при определении понятия устойчивости как объективного признака организованной преступной группы. В данном случае более верную позицию, на наш взгляд, занял Р.Р. Галиакбаров, предложивший использовать в качестве формализованного критерия для расшифровки показателя устойчивости организованной группы такой признак, как система совершения преступных посягательств: «Систематичность не сводится к повторению (неоднократности) преступления. Она уже предполагает большее число посягательств - три и более, отражающее антисоциальную направленность действий субъектов, серьезное возрастание уровня опасности объединения. Она фиксирует определенную линию поведения участников преступления, их укоренившиеся опасные наклонности. Вывод о систематичности делается

на основе всей совокупной деятельности участников преступления. При этом не имеет значения, однотипные, однородные или разнородные посягательства совершает группа. Систематичность свидетельствует об организованном характере самой группы. Во всяком случае, любой факт совершения объединением трех преступлений или более уже точно фиксирует его организованный характер, хотя такая группа может еще не стать преступным сообществом».

По мнению Клименко Ю.А., устойчивость организованной преступной группы предполагает постоянство состава ее участников. Мы не можем согласиться с данным мнением. При достаточно длительном периоде деятельности организованной преступной группы, в ее составе, как правило, происходят существенные изменения. Причем подобные изменения зачастую носят естественный характер и проявляются в соответствующих причинах. Это может быть смерть некоторых участников преступной группы, их осуждение, необходимость привлечения узконаправленных специалистов, потеря доверия некоторыми членами группы, желание самих членов группы прекратить преступную деятельность и множество иных причин.

В целом, проанализировав ряд мнений относительно определения понятия устойчивости как объективного признака, характеризующего организованную преступную группу, мы пришли к выводу о том, что данное понятие (устойчивость) нельзя определить через призму одного или даже двух признаков. Характеризуя такое сложное и структурированное явление, как организованная преступная группа, термин устойчивость в данном случае сам вступает сложным и сложносочиненным понятием. Поэтому его определение возможно только посредством сразу нескольких признаков и во взаимосвязи друг с другом. Итак, признаками устойчивости организованной преступной группы, на наш взгляд, вступают:

1. Высокая степень организованности, проявляющаяся в системном планировании не одного, а ряда преступлений и подобного же их

совершения, наличии иерархии и распределения ролей в группе, продуманного механизма совершения преступлений, а также сокрытия следов своей преступной деятельности, наличии и активной отработке путей отхода в случае экстренных ситуаций;

2. Двойственность состава организованной группы, проявляющаяся с одной стороны в стабильности костяка организованной группы, как правило ее организаторов и наиболее эффективных исполнителей, а с другой естественной «текучки кадров», привлечении узконаправленных специалистов на разовой основе;

3. Постоянство форм и методов преступной деятельности, наличие собственного стиля в совершении преступлений, что с одной стороны существенно сужает возможность совершения ошибки, а с другой позволяет безошибочно идентифицировать преступления, как совершенные именно данной конкретной преступной группой.

Еще одним признаком, характеризующим организованную преступную группу с объективной точки зрения, выступает совместность действий участников данной формы соучастия в преступлении. Указанный признак не следует понимать упрощенно. Совместность не означает, что соучастники совершают одинаковые по характеру и степени участия действия, что их вклад в совершение преступления одинаков; совместность означает, что соучастники принимают участие в совершении одного и того же преступления, имеется причинная связь между поведением каждого из них и наступившим преступным последствием, которое является для них общим. Так, лицо, узнавшее после окончания преступления о факте его совершения и согласившееся укрыть преступника, не становится соучастником преступления, поскольку отсутствует причинная связь между его поведением и наступившим общественно опасным последствием (если преступление с материальным составом) или совершением самого общественно-опасного деяния (если преступление с формальным составом преступления). Однако

если лицо до совершения преступления дало обещание скрыть преступника оно тем самым содействовало, создало условия, внесло вклад в совершение преступления исполнителем, поэтому такую деятельность следует отнести к соучастию. Совместность действий также предполагает и общность результата совершенных преступных деяний. В данном случае следует говорить как о положительном для организованной группы результате, так и об отрицательном. Так, в случае успешного совершения преступления, например, корыстной направленности, доход от преступной деятельности делится между всеми членами организованной группы, безусловно, в соответствии с иерархией, но, между всеми. В случае же, если деятельность организованной преступной группы будет установлена, к ответственности также будут привлечены все ее члены, опять же, исходя из иерархии и ролей, которые каждый член группы выполнял.

Между действием (бездействием) каждого участника организованной группы и наступившим результатом должна быть установлена причинная связь. Существует особенность причинной связи в преступлении, совершенном организованной группой. Эта особенность заключается в том, что объективная связь уясняется судом не только между действиями исполнителя и общественно-опасными последствиями, как в преступлении, совершаемом одним лицом, но и между действиями подстрекателя, организатора, пособника, которые действуют вне рамок признаков состава преступления (не исполняют объективную сторону преступления), с одной стороны, и действиями исполнителя – с другой. Суду необходимо установить, что действия (бездействия) каждого соучастника предшествовали во времени действиям исполнителя, являлись условием и необходимым вкладом в общие усилия по достижению общественно опасных последствий.

Таким образом, можем сказать, что с объективной стороны, организованную преступную группу характеризуют такие признаки, как

множественность участников – при минимальном их количестве в два человека; устойчивость организованной преступной группы – сложного и структурированного понятия, характеризуемого несколькими признаками, заключающимися в себе, прежде всего, особенности организации преступной группы, ее структуры и осуществления преступной деятельности; совместность действий – участие в преступной деятельности всех членов группы, в зависимости от их роли, а также общность результата совершенных преступлений, как положительного, так и отрицательного. Только во взаимосвязи указанных признаков можно говорить об организованной преступной группе, как о форме соучастия в преступлении. При отсутствии хотя бы одного признака, или же, наоборот, наличии не свойственного данной форме соучастия в преступлении признака, говорить именно об организованной преступной группе нельзя.

otvety-synergy.ru
info@otvety-synergy.ru

Субъективные признаки организованной группы как формы соучастия

Любая совместная деятельность предполагает определенную психологическую составляющую, проявляющуюся в понимании лиц, участвующих в данной деятельности, характера и сущности выполняемых действий и осуществляемых процессов. При отсутствии подобного понимания или же не обращения к данной составляющей, говорить о деятельности лиц, как о совместной или групповой не приходится.

Приведенные тезисы в полной мере относятся и к совместной преступной деятельности лиц, совершающих преступления в рамках функционирования такой формы соучастия в преступлении, как организованная группа. В этой связи особое значение приобретает исследование вопросов субъективных признаков организованной группы. Совокупность признаков указанного вида позволяет детально охарактеризовать совместность с точки зрения психологической составляющей, заключенной во внутренних процессах, происходящих между участниками совместного совершения преступления. Совместность деяния, преломляясь сквозь призму психического отношения лиц, участвующих в совершении единого для всех них преступления, находит свое выражение в общности вины. Именно данным институтом может быть в целом охарактеризована субъективная сторона организованной группы, как формы соучастия в преступлении. При этом следует отметить, что в теории уголовного права существует дискуссия по данному вопросу в части касающейся соотношения понятия общности вины с понятием единства вины.

На наш взгляд, под единством вины следует понимать совокупность факторов, определяющих равностепенную ответственность лиц, совершивших преступление. Общность же вины характеризует лишь направленность умысла лиц, участвующих в совместном совершении преступления, внутреннюю психологическую связь между данным умыслом

и совместной преступной деятельностью, а также полученным ее результатом. Поэтому, по нашему мнению, хотя указанные понятия можно признать в некотором роде однопорядковыми (прежде всего ввиду однокоренного отношения к институту соучастия преступления в его чистом виде), но их нельзя олицетворять друг с другом, в противном случае произойдет подмена понятий, что, безусловно, негативно скажется на квалификации преступления, совершенного в соучастии.

Общность вины участников организованной группы может быть охарактеризована несколькими признаками. Рассмотрим основные из них.

Осознание характера и общественной опасности собственных действий. Данный признак практически полностью идентичен пониманию интеллектуального момента умысла единолично совершающего преступления лица. Лицо, совершающее преступление в составе организованной преступной группы должно осознавать общественную опасность своих действий, проследить возможность, а в случае прямого умысла – неизбежность, наступления общественно-опасных последствий и, в случае прямого умысла, желать их наступления, а в случае косвенного – не желать, но сознательно допускать эти последствия или относиться к ним безразлично.

Осознание общественной опасности действий совершаемых другими участниками организованной группы. В данном случае имеется существенное отличие от единоличного совершения преступления. В последнем случае лицо осознает характер и степень общественной опасности исключительно только своих действий. Ни за кого другого он не отвечает, его умыслом не охватываются действия третьих лиц. В случае же организованной группы, каждый ее участник должен осознавать тот факт, что совершаемые иными участниками организованной группы деяния, соучастником которой он является, также нанесут или могут нанести вред охраняемым законом права и законным интересам человека, гражданина,

общества и государства.

Говоря о двух предыдущих признаках, мы затронули вопрос осознания участниками организованной преступной группы последствий своей преступной деятельности. Лица, совершающие преступления в составе организованной группы осознают тот факт, что совершаемые ими действия неизбежно нанесут, могут нанести или создать предпосылку для нанесения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Отметим, что если в вопросах осознания неизбежности нанесения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям каких-либо сомнений или противоречий быть не может, то при определении вопроса осознания лицом, совершающим преступление в составе организованной преступной группы возможности нанесения такого вреда или предпосылки для его нанесения, имеется несколько неопределенностей. В частности, возможна ли такая ситуация, при которой в результате совершения преступления не будет нанесен вреда общественным отношениям, то есть, такой элемент состава преступления, как объекта не подвергнется никакому негативному влиянию? Ряд ученых полагает, что на данный вопрос необходимо отвечать положительно. В защиту своего мнения они приводят формулировки законодателя, которые он использовал при конструировании признаков института умышленного совершения преступления («...предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления»). Другие исследователи полагают, что на данный вопрос необходимо отвечать исключительно в отрицательном ключе, а все иные мнения противоречат законам логики и учению о составе преступления. «Если деяние совершено, - оно всегда причиняет вред общественным отношениям, поскольку объект преступления относится не к миру вещей, а к отношениям между людьми в социуме, и в этом смысле слова, независимо от того, какое преступление совершено, какой оно категории, оно всегда причиняет вред общественным

отношениям».

Однако на наш взгляд, ситуация при которой от преступного деяния реальный вред общественным отношениям может быть не нанесен, все же возможна. Речь в данном случае идет о стадиях совершения преступления – приготовлении и покушении на преступление. В обоих случаях лицо или лица совершали множество действий, направленных либо на подготовку к совершению преступления, либо на непосредственное совершение преступления, однако по обстоятельствам, не зависящим от него или них, не доводят свои преступные замыслы до конца. Фактически, вред общественным отношениям в результате совершения указанных действий не причинен. То есть, объект преступления в данном случае отсутствует, и, если следовать логике второго приведенного ранее мнения, говорить о составе преступления мы не можем, а соответственно, в силу статьи 8 УК РФ, отсутствует и основание для привлечения к уголовной ответственности. Однако, за приготовление к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также за покушение на любое преступление, уголовная ответственность все же предусмотрена. Об этом нам говорят, в частности, часть 2 статьи 30 УК РФ, а также ряд норм статей Особенной части УК РФ (в случае покушения на преступление). Более того, в определенной степени можно рассматривать в качестве подтверждения нашим словам наличие в УК РФ преступлений с формальным составом, которые считаются оконченным вне зависимости от наступления последствий, которые, как известно, характеризуются, прежде всего, нанесением вреда охраняемым законом общественным отношениям. Поэтому, на наш взгляд, ситуации, при которых в результате преступных деяний не наступает реальный вред общественным отношениям, а лишь создается предпосылка для нанесения такого вреда, возможна, в частности при приготовлении или покушении.

Осознание совместности преступной деятельности. Данный признак общности вины является одним из основных и определяющих саму сущность

организованной группы, как формы соучастия в преступлении. Каждый из участников организованной преступной группы должен осознавать факт именно соучастия в преступлении. Подобная осведомленность может проявляться в нескольких аспектах. Так, соучастники должны знать об исполнителе и совершаемом им преступлении. В первую очередь исполнитель должен быть осведомлен о каждом соучастнике и его действиях, характеризующих состав учиняемого преступления. Взаимная осведомленность также предполагает, что действия каждого из участников преступления совершаются умышленно. При этом каждый из участников должен осознавать, что он совершает преступление совместно с другими исполнителями «заведомо сообщая». Также соучастники преступления должны быть осведомлены о виде и особенностях совершаемых преступлений. Речь в данном случае не идет о знании абсолютно всех, даже самых мелких деталей преступной деятельности. Знание должно быть соразмерно той роли, которую выполняет конкретный соучастник в преступлении, совершаемом организованной преступной группой.

Таким образом, можем сказать, что общность мнений участников организованной группы, прежде всего, проявляется в наличии субъективной связи между соучастниками организованной группы, как формы соучастия в преступлении. Субъективная связь, в совместном совершении преступления представляет собой процесс непосредственного или опосредованного психического воздействия соучастников деяния друг на друга, который порождает их взаимную связь и определяет специфику взаимодействия при совершении преступления. Она выступает в качестве того объединяющего фактора, который способствует образованию разнообразных форм совместного совершения преступления. Именно наличие субъективной связи между участниками посягательства и ее характер проявляют признаки, характеризующие множество участников посягательства как взаимосвязанную структуру, с чем мы, безусловно, согласны.

В зависимости от характера осведомленности участников организованной преступной группы принято выделять одностороннюю и многостороннюю субъективную связь между соучастниками исследуемого нами вида. Односторонняя субъективная связь предполагает осведомленность о факте совместности преступной деятельности не всех участников преступной группы. Многосторонняя субъективная связь предполагает подобную осведомленность среди всех соучастников преступления.

При этом в науке уголовного права ведутся множественные дискуссии, предметом которой выступает вопрос, возможно ли говорить о самом факте соучастия при односторонней субъективной связи между участниками организованной группы. Сторонниками положительного ответа на данный вопрос являются такие авторы, как Бурчак Ф.Г., Галиакбаров Р.Р., Смирнов В.Г., Куринов Б.А. Напротив же, противниками подобного подхода выступают М. А. Диньдер, А. А. Писитовский, А. И. Гарюг.

Проанализировав мнения указанных авторов, мы, в свою очередь, приходим к некоему среднему мнению. На наш взгляд, соучастие в преступлении посредством его совершения в составе организованной преступной группы при наличии односторонней субъективной связи возможно, но только в отношении конкретных видов соучастников преступления. Так, пособник и подстрекатель могут не знать о существовании друг друга и, тем не менее, участвовать в совершении преступления в составе организованной преступной группы.

Например, гражданка Р., являясь индивидуальным предпринимателем, желая устранить конкурента по бизнесу, гражданина П., попросила сделать это своего гражданского мужа, гражданина С. который согласился на совершение данного преступления. Самостоятельно С. не смог бы осуществить задуманное, а потому приискал пособника в лице гражданина У. Действуя в рамках преступной группы, граждане С. и У. совместно

дождались возвращения гражданина П. домой и в подъезде жилого дома, где проживал убитый, нанесли ему многочисленные удары железными битами (были у обоих преступников), в результате причинили смерть гражданину П., которая наступила практически мгновенно в результате черепно-мозговой травмы. При этом в ходе судебного разбирательства выяснилось, что гражданин У. не был знаком гражданкой Р. И тем более не знал об истинных мотивах совершения преступления. Убийство же совершил из корыстных побуждений, так как со слов гражданина П. «имелась крупная сумма денег при себе в тот день».

Односторонняя субъективная связь невозможна между исполнителем и иными видами соучастников преступления. В данном случае необходимо говорить исключительно о многосторонней субъективной связи. Как верно отметил Д.А. Безбородов «субъективная связь между организатором, подстрекателем и пособником принципиального значения не имеет... главным является, чтобы указанные лица находились в двухсторонней субъективной связи с исполнителем преступления».

По мнению общности мнений, субъективную сторону организованной группы, как формы соучастия в преступлении составляет наличие общей цели на совершение одного или нескольких преступлений. Наличие данной цели в принципе и побуждает лиц объединяться в группу. Для квалификации преступления, как совершенного организованной группой не имеет значения тот факт, ввиду чего подобная цель появилась у будущих соучастников. Однако на наш взгляд, с точки зрения возможной организации как превентивных так, и постпревентивных мер в сфере противодействия организованной преступности, данный вопрос представляет немалый интерес. Причина возникновения цели совершить преступление в данном случае в целом идентична единоличному совершению преступных деяний и определяется в зависимости от вида совершенного деяния. В случае корыстных преступлений это, как правило, желание получить выгоду

финансового характера, в случае преступлений против личности, это может быть личная неприязнь, низменные мотивы и иные. Желание же совершить преступление в составе организованной группы может быть продиктовано невозможностью совершить преступление единолично, прежде всего, ввиду его сложности, возможным страхом перед уголовной ответственностью (хотя в данном случае указанная цель ничтожна, так как организованные формы соучастия в преступлении существенно отягчают деяние и, соответственно, наказание за совершение данного деяния), романтикой преступного мира организованного характера, желанием повысить свою значимость посредством причастности к высокоорганизованной преступной группе и так далее. Цель совершить преступление должна появиться до объединения в организованную группу. В этой связи, совершение преступления организованной группой на стадии приготовления или покушения невозможно.

Весьма интересную позицию относительно целей создания и вхождения в состав организованной группы высказала Чекмезова Е.И., предполагая, что конечной целью создания любого преступного объединения является получение финансовой или иной выгоды посредством занятия преступной деятельностью, а не совершение конкретных преступлений.

Не отрицая наличие определенных верных посылов в приведенной экспертной оценке, мы, все же, не можем с ней согласиться. В данном случае, на наш взгляд, произошло наложение двух целей. С одной стороны – это цель объединения в организованную преступную группу, а с другой – цель совершения конкретных преступлений. В последнем случае действительно мы можем говорить о финансовой или иной выгоде, как побуждающим мотивом для совершения преступления. Однако данный мотив не является первостепенным в вопросах совершения преступления именно в составе организованной преступной группы. Организованная

группа в данном случае выступает в качестве средства достижения изначально поставленной цели, будь то получение финансовой или любой иной выгоды. Причина же соучастия в преступлении в данном случае кроется, как мы уже говорили ранее, в невозможности совершить преступление и достигнуть первоначальную цель в одиночку. Поэтому, целью присоединения к организованной группе является совершение одного или нескольких преступлений, совершение которых принесет финансовую или иную выгоду и тем самым позволит достигнуть первоначально поставленной цели.

Таким образом, можем сказать, что специфика субъективных черт организованной группы заключается в:

1. Наличии цели совершения одного или нескольких преступлений. Достижение указанной цели требует объединения усилий нескольких лиц;

2. Общности вины соучастников, проявляющейся в осознании преступности и противоправности как собственных деяний, атак и деяний остальных членов группы, а также осознании совместности совершаемой преступной деятельности.

3. Наличии односторонней (в случае пособника, подстрекателя или организатора) или многосторонней (в случае исполнителя) субъективной связи между участниками преступной группы;

4. Проявлении результата совместного деяния в качестве осознанных субъективных намерений.

Представляется, что указанные черты в своей совокупности определяют общую специфику субъективной стороны совершения преступлений с составе организованной группы.

Квалификация действий участников организованной группы

Квалификация выступает важнейшим институтом уголовного права, позволяющим оценивать совершенные преступные деяния и соотносить их с той или иной нормой Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации при обязательном учете соответствующих норм Общей части данного нормативно-правового акта. Реализация института квалификации преступления позволяет с одной стороны обеспечить неотвратимость наказания, а с другой стороны – не допустить нарушения принципа справедливости уголовного закона.

К вопросу о понятии квалификации преступлений подходили многие исследователи в сфере уголовного права. При этом следует отметить, что на сегодняшний день в теории уголовного права имеются некоторые проблемы определения данного понятия. Во многом это вызвано тем, что законодатель не только не раскрывает данное понятие в Уголовном кодексе Российской Федерации, но и «вообще не употребляет данное понятие на протяжении всего кодекса»³⁹. Учитывая важность рассматриваемого института, данный факт видится нам не меньшей мере странным и необоснованным. Еще более странной ситуация делается при анализе норм уголовно-процессуального законодательства. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации неоднократно использует термин «квалификация»: квалификация преступления (ч. 3 ст. 39), квалификация общественно опасного деяния (п. 6 ч. 1 ст. 237), квалификация деяния (ч. ч. 1.3, 1.2 ст. 237) и квалификация содеянного (ч. 3 ст. 347). Но, несмотря на столь многократное употребление законодателем в УПК РФ термина «квалификация», он, однако, в ст. 5 данного закона, раскрывающей основные понятия уголовно-процессуального законодательства, также не дает ее определения. Постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам содержат рекомендации по квалификации преступлений. Но определение квалификации отсутствует в этих постановлениях по отдельным категориям

дел, как и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре». Таким образом, можем сказать, что законодатель, неоднократно используя понятие квалификации преступлений при конструировании отдельных норм различных нормативно-правовых актов, тем не менее, не раскрыл его как с точки зрения правовой терминологии, так и с точки зрения семантики данного понятия.

На сегодняшний день наиболее часто применяемым определением квалификации преступления является точка зрения В.Н. Кудрявцева, ставшая уже в определенной степени классической. В соответствии с данной теорией, классификация преступлений представляет собой установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. При этом автор определения рассматривает квалификацию в двух значениях: как процесс и как результат. Как процесс - установление признаков того или иного преступления в действиях лица. Как результат - официальное признание и закрепление в соответствующем юридическом акте (постановлении следователя или органа дознания, обвинительном заключении, судебном приговоре или определении) обнаруженного соответствия признаков совершенного деяния уголовноправовой норме.

Анализируя приведенное мнение, мы, несмотря на его классический статус, все же не можем с ним согласиться. Прежде всего, в данном случае возникают сомнения относительно использования в определении понятия «деяние». По какой причине, правоприменитель должен соотносить именно совершенное деяние с признаками той или иной нормы Особенной части Уголовного кодекса? Дело в том, что деяние с уголовно-правовой точки зрения имеет несколько значений и, на наш взгляд, ни в одном из них оно не может быть применено в качестве объекта, подлежащего квалификации. Так, деяние может являться обязательным признаком объективной стороны

преступления. Несмотря на важность подобного статуса, тем не менее, ни деяние, ни объективная сторона преступления не являются единственными или главенствующими признаками и элементами состава преступления, а соответственно, только на основании одного признака одного элемента состава преступления, сделать вывод о классификации преступления невозможно. С другой стороны, сам законодатель использует термин «деяние» при определении понятия преступления: «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания». Однако, на наш взгляд, в таком смысле понимания понятия деяния, оно также не может быть использовано при раскрытии определения квалификации преступления. Помимо преступления, посягать на общественные отношения, охраняемые законом, могут также административные правонарушения, дисциплинарные проступки, гражданско-правовые проступки, имеют место быть и просто аморальные действия, никак не посягающие на правовые нормы, а только лишь на моральные устои. Первоначальной задачей квалификации как раз таки и является «отнести» возможность совершения иных видов посягательств, кроме как преступных, а потом уже устанавливать связь содеянного с конкретной нормой статьи Особенной части УК РФ. Таким образом, можем сделать вывод о том, что деяние, как термин не может быть использован при раскрытии понятия квалификации преступлений. На наш взгляд, в данном случае наиболее приемлемыми вариантами могут быть «посягательство», «действие (бездействие)».

Говоря о квалификации преступлений, совершенных в составе организованной преступной группы, отметим, что, изначально сложный в своей реализации правовой институт, приобретает еще большие трудности в претворении в правоприменительную практику. Данный тезис может быть подтвержден следующими аспектами. Во-первых, с одной стороны, как мы уже отмечали в предыдущей главе, деятельность участников организованной

преступной группы отличается повышенной степенью совместности. Речь в данном случае идет как об объективных, так и о субъективных признаках (совместность действий, общая направленность умысла, понимание общественной опасности совместных деяний и так далее). Во-вторых, с другой стороны, будет неверным сказать, что во всем действия и мысли участников преступной группы идентичны. Каждый из них выполняет четко отведенные ему действия, играя ту или иную роль в совершении общественно-опасного деяния. Каждый из них, вступая и организуя преступную группу и действуя в ее рамках, руководствуется отдельно взятыми, своими, дифференцированными мотивами. Поэтому, при квалификации действий участников подобных групп нельзя исходить ни с абсолютно единой точки зрения, ни с абсолютно разрозненной точки зрения, чем и объясняется сложность исследуемого правового института.

Уголовный кодекс Российской Федерации задал общий ориентир для квалификации действий участников организованной группы. Так, в соответствии с частью 1 статьи 34 УК РФ ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. На наш взгляд, позиция законодателя в данном случае абсолютно верная. Суду при квалификации действий участников организованной группы, необходимо, прежде всего, исходить из дифференцированного подхода, устанавливая роль каждого участника организованной группы и то, как его действия повлияли на преступную деятельность группы. После установления роли каждого лица, которую он играл в организованной преступной группе, квалификацию необходимо производить исходя из данной роли. Рассмотрим особенности квалификации действий каждого из участников организованной группы, в зависимости от того, какую роль они играли в организованной преступной группе.

Организатором признается лицо, организовавшее совершение

преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. В соответствии с частью 5 статьи 35 УК РФ, «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации, а также за все совершенные организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) преступления, если они охватывались его умыслом». Данное положение развило Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 10.06.2010 N 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», в соответствии с пунктом 14 которого, «лицо, создавшее преступное сообщество (преступную организацию), его (ее) руководитель, а также лица, осуществляющие коллективное руководство таким сообществом (организацией), несут уголовную ответственность по части 1 статьи 210 УК РФ за совершение хотя бы одного из указанных в ней преступных действий, а также по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации за все совершенные другими участниками преступного сообщества (преступной организации) преступления без ссылки на часть 3 статьи 33 УК РФ и в том случае, когда указанные лица непосредственно не участвовали в совершении конкретных преступлений, но они охватывались их умыслом». На наш взгляд, хотя приведенная норма и относится к деятельности преступного сообщества и действиям лиц по созданию именно данного преступного формирования организованного характера, она в полной мере применима и к действиям создателя и руководителя организованной преступной группы. Говоря об ответственности организатора организованной преступной группы, необходимо отметить тот факт, что в

случаях, когда создание подобной группы предусмотрено отдельным составом конкретной нормы статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в качестве самостоятельного преступления, действия создателя такой группы квалифицируются только по норме указанной статьи и, соответственно, дополнительной квалификации по норме, предусматривающей ответственность за участие в ней, не требует. Данное правило имеет четко сформулированный характер и проходит лейтмотивом во многих решениях судов. Так, например, гражданин А. был признан виновным в организации вооруженной банды, созданной в целях нападения на граждан и организации. В течении нескольких лет своей деятельности, бандой совершено несколько десятков разбойных нападений, после чего, всех членов банды установили (помимо А., в преступной деятельности банды принимали участие еще трое человек). Рассматривая уголовное дело, суд первой инстанции принял решение о привлечении всех участников банды к ответственности за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 209 УК РФ, а гражданина А., помимо этого, также частью 1 статьи 209 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам, рассматривая дело в порядке кассационного производства, оставила приговор без изменения. Однако Президиум Верховного суда Российской Федерации приговор изменил, действия А., квалифицировал исключительно по части 1 статьи 209 УК РФ, указав, что «По смыслу закона субъектами уголовной ответственности за бандитизм являются как создатели и руководители банды, так и ее участники. Причем единственное разграничение состоит в том, что для создателей и руководителей банды предусмотрена более строгая мера наказания. Поэтому действия создателей и руководителей банды подлежат квалификации только по ч. 1 ст. 209 УК РФ и дополнительной правовой оценки тех же действий по ч. 2 ст. 209 УК РФ не требуется».

Говоря о других участниках организованной преступной группы, необходимо также сделать ссылку на часть 5 статьи 35 УК РФ в части

касающейся, а именно: «Другие участники организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) несут уголовную ответственность за участие в них в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210 и 282.1 настоящего Кодекса, а также за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали». Отметим, что по вопросу квалификации действий иных, кроме организаторов, участников организованной преступной группы, имеется две противоположные точки зрения.

В соответствии с первой точкой зрения, ответственность исполнителя, пособника и подстрекателя, участвующих в преступной деятельности организованных преступных групп, должна осуществляться с обязательной ссылкой на статью 33 УК РФ (за исключением случаев, прямо указанных в законодательстве и о которых мы упомянули выше). Так, в частности, Д.А. Янковский отметил, что «безусловно, по некоторым составам преступлений, совершенным в составе организованной преступной группы, дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ не требуется. Однако ситуация далеко не однозначна в случаях совершения организованными группами преступлений, за которые в Особенной части ответственность установлена с указанием на наличие квалифицирующих признаков составов тех или иных преступлений либо вообще квалифицирующий признак совершения преступлений организованной группой не предусмотрен в статье уголовного закона. При подобных обстоятельствах отсутствие ссылки на ст. 33 УК ничем не обусловлено».

В соответствии со второй точкой зрения, участники организованной преступной группы должны нести ответственность исключительно по соответствующей норме статьи, закрепляющей то преступление, которое было совершено, без ссылки на статью 33 УК РФ. В защиту своего мнения, ученые приводят несколько аргументов. Во-первых, это прямые указания законодателя. Так, например, при конструировании состава преступления

«Бандитизм», законодатель максимально точно и четко указал на все признаки данного состава преступления, в том числе криминализировав такие стадии совершения преступления, как приготовление и покушение. Соответственно, в этом случае в квалификации действий участников банды по статье 33 УК РФ необходимости нет, прежде всего, в силу того, что в силу того, что «сами действия по созданию, руководству, участию в той или иной форме в организованных группах и преступных организациях являются непосредственным совершением указанных преступлений, т.е. в таких действиях состоит объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 209 и ст. 210 УК»³⁷. Также, согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.01.2001 г. N 1 «О судебной практике по делам об убийстве»³⁸ говорится: «Организованная группа - это группа из двух и более лиц, объединенных умыслом на совершение одного или нескольких убийств. Как правило, такая группа тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет роли между участниками группы. Поэтому при признании убийства совершенным организованной группой действия всех участников независимо от их роли в преступлении следует квалифицировать как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ». Во-вторых, это сущность самой организованной преступности. В частности, А.В. Кисин отмечает, что «организованная преступность сама по себе представляет собой институт повышенной общественной опасности, в основе которого заложена существенная детерминация совершения тяжких и особо тяжких, серийных, «профессиональных» преступлений. Соответственно ответственность всех, хоть как-то причастных к организованной преступности, лиц, должна быть повышенной, соответствующей характеру и степени общественной опасности данной преступности». Ю.А. Клименко также отмечает, что, для достижения своих целей члены организованных групп используют методы преступной деятельности, позволяющие им тщательно подготовиться к совершению

преступления, распределить роли, подготовить пути к отступлению, ликвидировать препятствия, мешающие осуществлению их планов. И.Ю. Сироткин говорит о «сложившейся как на практике, так и в уголовноправовой теории тенденции, в соответствии с которой, все участники организованной группы независимо от роли, которую они выполняют в преступлении, признаются соисполнителями и, соответственно, согласно части 2 статьи 34 УК РФ, должны отвечать по статье Особенной части УК РФ, за преступление, совершенное ими совместно и без ссылки на статью 33 УК РФ».

Оценивая приведенные мнения и точки зрения, можем заметить следующее. На наш взгляд, безусловно, правы те, кто говорит о повышенной общественной опасности организованной преступности и необходимости соответствующей реакции законодателя и правоприменителя на данный вид преступности. Однако, при этом (и об этом говорят сами сторонники второй точки зрения), данная реакция со стороны законодателя имеется. Она выражается как раз таки в указании на конкретные виды преступлений, которые при совершении их организованной группой определяют соответствующие правила квалификации без ссылки на статью 33 УК РФ. В подобной ситуации распространять указанные, по сути, частные случаи на весь институт организованной преступности не верно, по нашему мнению. В противном случае, исключение, сделанное законодателем, скорее будет подчеркивать само правило, нежели исключение. Более того, во всем, что касается вопросов реализации уголовной ответственности, должен применяться принцип дифференциации, в соответствии с которым, каждый случай совершения преступления в составе организованной преступной группы (даже одной и той же) по своему уникален и ему свойственны свои уникальные особенности. Так, например, в одном случае роль пособника может ограничиться малым, незначительным участием, а в другом – перерасти в реальное соисполнительство, без которого совершение

преступления было бы невозможно. Поэтому, на наш взгляд, мы не можем согласиться ни с одной, ни с другой точкой зрения, так как главенствующим в данном случае будет принцип дифференциации, при котором суд, исходя из требований законодательства, учета личности преступника, конкретных обстоятельств дела, принимает решение о квалификации действий участников организованной преступной группы в том или ином направлении.

otvety-synergy.ru
info@otvety-synergy.ru

Заключение

Таким образом, исследование, проведенное в ходе научно-исследовательской работы, показало, что с объективной стороны, организованную преступную группу характеризуют такие признаки, как множественность участников – при минимальном их количестве в два человека; устойчивость организованной преступной группы – сложного и структурированного понятия, характеризуемого несколькими признаками, заключающимися в себе, прежде всего, особенности организации преступной группы, ее структуры и осуществления преступной деятельности; совместность действий – участие в преступной деятельности всех членов группы, в зависимости от их роли, а также общность результата совершенных преступлений, как положительного, так и отрицательного. Только во взаимосвязи указанных признаков можно говорить об организованной преступной группе как о форме соучастия в преступлении. При отсутствии хотя бы одного признака, или же, наоборот, наличии не свойственного данной форме соучастия в преступлении признака, говорить именно об организованной преступной группе нельзя. Специфика субъективных черт организованной группы заключается в:

1. Наличии цели совершения одного или нескольких преступлений. Достижение указанной цели требует объединения усилий нескольких лиц;
2. Общности вины соучастников, проявляющейся в осознании преступности и противоправности как собственных деяний, атак и деяний остальных членов группы, а также осознании совместности совершаемой преступной деятельности;
3. Наличии односторонней (в случае пособника, подстрекателя или организатора) или многосторонней (в случае исполнителя) субъективной связи между участниками преступной группы;
4. Проявлении результата совместного деяния в качестве осознанных субъективных намерений.

Далее мы выяснили, что организованная преступная группа существенно отличается от группы лиц по предварительному сговору. Главное отличие проистекает из такого объективного фактора, как большая степень устойчивости и соорганизованности организованной группы, проявляющейся в целом ряде конкретных аспектов. Существенное количество различий между организованной группой и группой лиц по предварительному сговору заключено также и в субъективных факторах, проявляющихся, прежде всего, в более тесной субъективной связи и постепенной замене личных отношений деловыми.

Таким образом, цели и задачи научно-исследовательской работы выполнены.

otvety-synergy.ru
info@otvety-synergy.ru

Список литературы

1. Конституции Российской Федерации // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, N 31, ст. 4398
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // «Российская газета», N 113, 18.06.1996, N 114, 19.06.1996, N 115, 20.06.1996, N 118, 25.06.1996
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, N 52 (ч. I), ст. 4921
4. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета", N 25, 08.02.2011
5. Безбородов, Д. А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа: учебное пособие / Д. А. Безбородов. — СанктПетербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. 214 с.
6. Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 2016. 157 с.
7. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. 189 с.
8. Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 2015. Т. 1 : Общая часть. 657 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): 7-е издание, переработанное и дополненное; отв. ред. В.М. Лебедев // «Юрайт-Издат», издание, переработанное и дополненное; отв. ред. В.М. Лебедев // «Юрайт-Издат», 2017. 367 с.
10. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. Москва: Юрист, 2014. 119 с.
11. Кузнецова Н.Ф. Соучастие в преступлении // Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. акад. В.Н. Кудрявцева и проф. А.В. Наумова. М., 2017. 300 с.
12. Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика,

перспективы. СПб., 2016. 78 с.

13. Новейший психологический словарь / под общ. ред. В. Б. Шапаря. Ростов н/Д, 2015. 573 с.

14. Рарог А.И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам : монография : / А. И. Рарог. - Москва : Проспект, 2015. 229 с.

15. Степашин В.М. Специальные правила назначения наказания: Моногр. Омск, 2011. 297 с.

16. Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 2018. С. 16—17

otvety-synergy.ru
info@otvety-synergy.ru